

А коимъ Богъ чистой духъ далъ и разумъ
здравой,
Беззлобны беззлобные наши стихи взлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, или уменьшать злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы, и
славы!

Въ этихъ стихахъ — весь Кантемиръ! Этотъ
человѣкъ не былъ поэтомъ; непосредствен-
ный художественный талантъ не былъ его
удѣломъ. Его поэзія — поэзія ума, здраваго
смысла и благороднаго сердца. Кантемиръ
въ своихъ стихахъ — не поэтъ, а публицистъ,
пишущій о нравахъ энергически и остроум-
но. Насмѣшка и иронія — вотъ въ чемъ за-
ключался талантъ Кантемира.

Пятая сатира, «Сатиръ и Періергъ», на-
писанная въ 1737 г. въ Лондонѣ, устре-
млена «на человѣческія злонравія вообще». Ея
форма очень изысканна, и въ цѣломъ
она скучна; но подробности есть удивитель-
ныя, какъ, напримѣръ, это мѣсто:

Болваномъ Макаръ вчера казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить или таскать воду;
О безуміи его худая шла повѣсть,
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ его плоху со-
вѣсть.

Улыбнулося тому же счастью Макару, —
И сегодня временщикъ: ужъ совсѣмъ подпару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ ста-
новится,

Всякъ уму наперерывъ дивится.
Сколько пользы отъ него царство ждаты имѣеть.
Поправить взглядомъ однимъ все легко умѣеть.
Чѣмъ бывшій глупецъ предъ нимъ народъ весь
озлобилъ;

Богъ въ благополучіе ваше его собилъ.

Заключение этой сатиры особенно забав-
но. Исчисляя разныя человѣческія глупо-
сти, сатирикъ говоритъ:

Пахарь, соху ведучи ель оброкъ считая,
Не однажды привздохнеть, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ бо-
гатомъ,

Зналъ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правехъ бы нога моя не стояла.
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря но-
силась,

А то все приказчицъ, стряпчицъ, княгинѣ
Понеси въ поклонѣ, а самъ жирѣи на мякинѣ.
Пришелъ наборъ, пахаря вписали въ солдаты:
Не однажды дымные вспомнить уже палаты.
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говорить, въ крестъ-
янствѣ?

Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убран-
ствѣ;

Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни
ногою;

Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какую жъ больше найду я тужить причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я
дома.

Хлѣба у меня черезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для
соли

Иль въ праздникъ войти въ село, и то съ доб-
рой воли!

А теперь — чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ по-
стрѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ надобно быть
смѣлымъ.

Ни высаться некогда, часто нѣтъ что кушать;
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, коль день назадъ чрезмѣрну
охоту

Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Въ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ счетъ чи-
нами, —

Сегодня не то поетъ: радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣль-
цомъ быть,

Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ
слыти.

Шестая сатира, написанная въ 1738 г.,
разсуждаетъ «о истинномъ блаженствѣ». Са-
тирикъ доказываетъ въ ней, что истин-
ное счастье заключается въ благоразумной
серединѣ и въ бесѣдѣ съ музами. Седьмая
сатира, «Къ князю Никитѣ Юрьевичу Тру-
бецкому», написанная въ 1739 году въ Па-
рижѣ, разсуждаетъ «о воспитаніи». Эта
сатира исполнена такихъ здравыхъ, гу-
манныхъ понятій о воспитаніи, что
стоила бы и теперь быть напечатанной
золотыми буквами; и не худо было бы,
если бы вступающіе въ бракъ предвари-
тельно заучивали ее наизусть.

Вотъ нѣсколько отрывковъ на выдержку:
Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы,
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь
славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ ста-
нешь:

Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей испра-
вить,

Нежъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто за-
ставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвалю въ немъ
загладитъ

Смѣлость, и безвременно торопѣть поводитъ.
Счастливъ кто надеждою похвалъ возбудитъ
знаетъ

Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скоряе.

Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находятъ посредство
Вскользнуться внутрь сердца нравъ: все, что
окужаетъ

Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.

Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Отрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ
Унесши младенца, что небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцомъ наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтей; родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ и матъ, и отецъ предъ младенцемъ
знали

Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.